

«Сейчас в Мариинском театре балет не любят»

Нынешним танцовщикам трудно угодить Наталии Дудинской

Ирина Губская
Санкт-Петербург

И для Вагановской академии, и для Мариинского театра Наталия Михайловна Дудинская – эталон петербургской балетной школы и исполнительства, почти синоним этих понятий. Балерина, в начале пути отмеченная легендарными Агриппиной Вагановой и Любовью Блок, педагог, из класса которой вышла легенда нынешней Мариинки Ульяна Лопаткина, Дудинская – воплощенная связь времен: от императорского Мариинского балета к советскому Кировскому и опять к имперскому, вновь названному Мариинским. На закрывшемся в понедельник фестивале «Золотая маска» Наталия Михайловна получила «Маску» за честь и достоинство. Это награда не столько артистическая, сколько человеческая. И к официальной формуле хочется добавить – за характер. Который, конечно, непростой. Так, за наградой в Москву Дудинская не приехала, прислав странную записку: одна ехать не могу, просить кого-то о соприобщении – тем более. Из полубоженного тона письма следует, что и в Москве, и в Петербурге все кругом виноваты: не помогли ветерану сцены...

Всю неделю накануне вручения «Золотой маски» вы были на экзаменах в Академии русского балета. Чем отличаются нынешние выпуски от прежних?

– Сравнивать не хочется. Я воспитана Вагановой, поэтому мне очень трудно угодить, и я

Независимая газ. - 2002. 19 апр. - с. 9.

делаю скидку. Я говорю, что я – «испорченная» Ваганова.

– Ваши ученицы говорят, что вы их научили не бояться сцены...

– Для этого просто надо больше тренироваться. Сейчас я работаю с японцами – они большие работяги и делают то, что кажется невозможным.

– Что для вас значит дисциплина?

– Балет – такое трудное искусство, что если не нажимать, не собирать себя – устаешь.

Наталия Дудинская.

Фото Павла Корнеева © Академия русского балета им. А.Я. Вагановой

– Есть ли современные хореографы, у которых вам хотелось бы танцевать?

– В современном танце пока меня никто не увлек.

– А Джордж Баланчин, с которым вы дружили?

– Баланчин очень талантлив. В последние же годы ничего нового в хореографии не появилось. Берутся постановки хороших хореографов и переделываются. Новое, конечно, надо делать, но не надо для этого портить старое. «Спящую», «Щелкунчика» в Мариинском театре исковеркали. Наше на-

следие – это наш капитал. А в нынешней «Спящей» просто не видно танцев. Они есть, но их не видно.

– Театр обещал сохранять две версии спектакля.

– Зачем? В театре должна идти одна. Я просто жалею, что театр делает глупости.

– Вы говорили, что после «Спящей красавицы» перестали ходить в Мариинку.

– Я в этом театре танцевала 30 лет. Для меня этот театр родной. Очень люблю эту труппу, и труппа любит меня, но сейчас в театр не хожу – просто не хочется. Сейчас взялись за переделку «Баядерки». А это чудный спектакль. Я была счастлива, когда танцевала в нем. А теперь в Мариинском театре не любят балет и не хотят его видеть. Но я не хочу быть пессимисткой. Я думаю, что настанет время, когда вновь обратятся к наследию.

– В этом году в выпускные концерты Вагановской академии включен фрагмент из «Золушки» Константина Сергеева. Перейдет ли она со временем в репертуар академии, как раньше «Щелкунчик» Вайнонена?

– Сейчас нет. Выпускников много, и один спектакль мал для их показа. Это действительно изумительный спектакль. Я говорю так не только потому, что Константин Михайлович – мой муж и партнер, которого я очень люблю и переживаю, что его нет. Этот балет могут смотреть и дети, и взрослые. «Золушку» начинали ставить в эвакуации, и Сергей Сергеевич Прокофьев специально приезжал и работал с Константином Михайловичем. Поэтому там все слитно, все музыкально, все идеально сделано.

– Какой у вас самый любимый спектакль?

– У меня все любимые. Очень люблю «Раймонду», «Золушку», «Дон Кихота»...

– Вы недавно были в Италии...

– Меня часто приглашают, чтобы проверить правильность редакции спектаклей. Сейчас это был «Корсар».

– Как вы восприняли премию «Золотая маска»?

– Конечно, было очень приятно узнать о награждении. Но саму премию я еще не видела.

Ульяна Лопаткина:
«Дудинская нам говорила, что в балете невозможного не существует»

– Главное впечатление, сохранившееся у меня от тех лет, когда мы учились у Наталии Михайловны, – ее оптимизм по отношению к нашим возможностям. Она была требовательна, но не ругала нас. Наоборот, вселяла веру в свои силы, внушала, что невозможного не существует – нужно только работать. Если у нас что-то не получалось – в ее словах никогда не было интонаций недовольства. Она спокойно говорила: «Девочки молодцы. Я вас поздравляю. А об ошибках поговорим завтра».

Дудинская умела создать нормальную рабочую обстановку. Поэтому у нас никогда не было страха перед сценой, не было барьера выхода к зрителю. Наталия Михайловна рассказывала, что для нее было важно не пропускать спектакли, в каком бы состоянии она ни была. Она старалась научить нас ощущение спектакля как ничем не омраченного праздника.

Я не видела ее на сцене и могу представить ее танец только по показам. Я думаю, она была очень импульсивная танцовщица, эмоциональная, зажигательная, страстная. ■